

лены образцы в оригиналах, которых достаточно для проведения сравнительного исследования, образцы в копиях могут быть использованы. Чаще всего данная ситуация возникает, когда образцы в копиях более сопоставимы с исследуемой рукописью. Использование сравнительных образцов только в копиях допускается в исключительных случаях: при отсутствии оригиналов, а также при достаточном объеме почерковой информации (например, копии листов с рукописными текстами).

Знание указанных особенностей проведения почерковедческих экспертиз по копиям документов, соблюдение рекомендаций по их назначению, на наш взгляд, позволит правильно оценивать не только результаты проведенной почерковедческой экспертизы, но и саму копию документа как вещественное доказательство.

1. Сборник методических рекомендаций по вопросам назначения экспертиз, проводимых в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь / В.И. Авсянников [и др.]. Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. Минск, 2019.

2. Архив центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь за 2014–2019 гг.

УДК 343.9

Р.М. Ронюк

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК

Заключение эксперта является неотъемлемым атрибутом практически каждого уголовного дела, а специальные знания выступают важнейшим элементом системы доказывания в целом. Это неслучайно, поскольку, несмотря на процессуально равнозначный характер всех видов и источников доказательств, гносеологическая сущность заключения эксперта, использование в процессе исследования специальных научных знаний и криминалистической техники детерминируют особую его весомость в процессе установления истины. Доказательственное значение экспертного заключения зависит от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, оценок и выводов эксперта в ходе и по результатам процесса экспертного исследования. Экспертное заключение должно быть безошибочным, что требует своевременного распознавания, предупреждения экспертных ошибок и, в конечном счете, искоренения причин, их порождающих [1, с. 317]. При этом независимо от природы экспертных ошибок (процессуальных, гносеологических, деятельностных, организационно-управленческих) они

часто становятся причиной следственных и судебных ошибок, связанных с назначением судебной экспертизы и оценкой ее результатов [2, с. 9]. Указанные обстоятельства обуславливают не только потребность в выявлении экспертных ошибок, но и необходимость однозначной их правовой оценки, особенно в контексте соотношения с понятием «заведомо ложное заключение эксперта», поскольку в обоих случаях понимание сущности данных категорий через призму уголовно-правовых, криминалистических и уголовно-процессуальных подходов носит несогласованный, а местами и противоречивый характер.

Уголовное право предлагает решать данную проблему прежде всего в рамках ст. 401 УК Республики Беларусь («Заведомо ложное показание»). При этом ложность экспертного заключения трактуется как заведомо неправильный вывод по проведенной экспертизе, который может относиться к отдельным вопросам, разрешаемым экспертом, или же касаться всего заключения в целом. Ключевое слово здесь – «заведомо», значение которого характеризует субъективную сторону данного преступления исключительно с позиции прямого умысла, когда лицо осознает, что является экспертом, предоставляет инициатору экспертизы ложное заключение, и желает поступать именно таким образом. При этом добросовестное заблуждение эксперта относительно обстоятельств, имеющих существенное значение для установления истины, вызванное невнимательностью при восприятии определенных событий или некомпетентностью, исключает уголовную ответственность по ст. 401 [3, с. 917–918].

Помимо указанной еще одна норма УК Республики Беларусь непосредственно касается судебно-экспертной деятельности. Это ст. 402, диспозиция которой предусматривает наступление ответственности за отказ эксперта от дачи заключения. В данном случае объективная сторона состава преступления представляет собой выраженное в открытой категорической форме (устно или письменно) заявление эксперта о нежелании выполнять свои обязанности. При этом признаки отказа будут проявляться не только в случае, когда лицо выражает свое нежелание полностью выполнить соответствующую обязанность, но и когда лицо не желает отвечать на отдельные вопросы либо отказывается освещать какие-то обстоятельства расследуемого события. Как и в предыдущем случае, субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 402, характеризуется только прямым умыслом [3, с. 919–920].

В качестве антипода заведомо ложному заключению эксперта и его отказу от дачи заключения рассматриваются экспертные ошибки в теории судебной экспертизы и криминалистике, когда «осознание ложности своих выводов или неправильности действий исключает добросо-

вестное заблуждение как такое психологическое состояние, при котором субъект не осознает неправильность своих суждений или действий, а искренне полагает, что он мыслит и действует правильно» [2, с. 8].

Несмотря на категоричность приведенных суждений в отношении преступной недобросовестности эксперта, уголовно-процессуальная концепция закономерно и однозначно определяет прямую зависимость доказательственного значения экспертного заключения от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, оценок и выводов эксперта в ходе и по результатам процесса экспертного исследования.

Анализ приведенных подходов и практики использования специальных экспертных знаний в ходе осуществления доказывания, детерминирует ряд вопросов.

Во-первых, устоявшаяся парадигма не отвечает современному состоянию экспертной практики как в материально-техническом, так и в ценностно-психологическом аспектах. Материально-техническая сторона, обусловленная перманентным развитием экспертно-криминалистического инструментария и внедрением все более сложных технологий в судебную экспертную деятельность, сводит к минимуму саму возможность объективной оценки научной обоснованности заключения и позволяет самому эксперту *defacto* осознавать «неподступность» к себе со стороны заинтересованных в оценке его заключения субъектов доказывания. В таких условиях немаловажное значение имеют наличие (отсутствие) целевых моральных установок эксперта, правильное (неправильное) понимание им своего долга, умение (неумение) подавлять в себе отрицательные эмоции, вызванные издержками профессии, руководствуясь (или нет) в первую очередь целями и задачами экспертного исследования. На наш взгляд, тут слишком много переменных, отданных на откуп эксперту.

Во-вторых, противопоставление экспертной ошибки заведомо ложному заключению эксперта, разделение экспертных упущений на «черное» и «белое», также представляется сомнительным. Такой подход слишком идеализирован и теоретизирован. По нашему мнению, говоря обобщенно, экспертная ошибка – это не только добросовестное заблуждение, а заведомо ложное заключение – это не только прямой умысел.

Опыт практической экспертной деятельности автора, подкрепленный анализом современной экспертной и следственной практики, свидетельствует, что эксперты при допущении ими тех или иных ошибок нередко фактически осознавали неправильность своих действий, не желали, но сознательно допускали наступление возможных неблагоприятных последствий или относились к ним безразлично либо легкомысленно рас-

считывали на предотвращение (ненаступление) данных последствий. При этом такие ситуации (с формой «вины» в виде косвенного умысла или легкомыслия) имеют место не только в отношении всего заключения в целом, но и применительно к отдельным вопросам, на которые, например, эксперт отказывается отвечать по существу, формулируя вывод о НПВ. Такие негативные ситуации, подтвержденные, к слову, путем проведения повторных экспертиз и (или) допросов экспертов, как правило, не влекут применения к ним соответствующих норм УК Республики Беларусь, а именно ответственности по ст. 401 и 402, которые, напомним, предусматривают наличие вины только в виде прямого умысла.

Не применяется в таких случаях и не фигурирует в подписке экспертного заключения (в отличие от ст. 401, 402) и другая норма УК Республики Беларусь – ст. 428 («Служебная халатность»), которая не только предусматривает в качестве объективной стороны преступления несовершенное требуемых по службе действий или их совершение не в соответствии с требуемым уровнем и качеством исполнения по причине недобросовестного или небрежного отношения к службе, но и предполагает уже неосторожную форму вины [2, с. 978]. Почему не применяется? Вопрос пока риторический.

Возможно, ответ на него мы можем получить у приверженцев теорий об исключительной добросовестности экспертных ошибок. Однако эти же ученые в качестве причин ошибок эксперта называют следующие: профессиональная некомпетентность эксперта (при которой вряд ли эксперт не осознает, что он не в состоянии полноценно решать те или иные задачи и к чему это может привести, однако все равно проводит исследование), небрежность, поверхностность проведения исследования, пренебрежение методическими рекомендациями (методиками), игнорирование тех или иных признаков объектов или их взаимосвязей и пр. [4, с. 398]. Что это, если не преступная халатность эксперта, особенно если она привела к тяжким последствиям: незаконному осуждению невиновного или, наоборот, освобождению от уголовной ответственности виновного лица, принятию иных незаконных процессуальных решений? Напомним, экспертные ошибки, как правило, становятся причиной следственных и судебных ошибок.

Тезисное изложение сути обозначенных проблем позволяет заключить, что вопросы оценки достоверности судебных экспертиз актуальны и требуют разработки новых алгоритмов выявления экспертных ошибок и предотвращения обусловленных ими неблагоприятных последствий. Достижение этой цели возможно только посредством использования комплексного подхода, как минимум предусматривающего:

совершенствование действующих уголовно-правовых норм, отражающих отдельные составы преступлений против правосудия (ст. 401, 402 УК Республики Беларусь), путем придания им большей степени приближения к реальной действительности процесса доказывания;

активное распространение на судебно-экспертную деятельность положений, касающихся некоторых составов преступлений против интересов службы (например, ст. 428 УК Республики Беларусь), посредством как обязательного включения их в подписку экспертного заключения с целью повышения профессионального самосознания и добросовестности судебных экспертов, так и выработки согласованной позиции в отношении неосторожных ошибочных экспертных действий в смежных областях знаний;

разработку действенных криминалистических рекомендаций, направленных на выявление и пресечение как умышленных, так и неосторожных экспертных ошибок посредством создания современных тактических и методических схем действий при расследовании соответствующих преступлений.

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 2.
2. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.Р. Россинская [и др.] ; под ред. Е.Р. Россинской. М., 2017.
3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск, 2010.
4. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

УДК 343.983.22

Ф.П. Самуйленко

ОБ АНАЛИЗЕ УСЛОВИЙ ВЫСТРЕЛА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

В процессе проведения судебных баллистических экспертиз эксперту в зависимости от поставленных задач необходимо изучить материальную часть оружия; идентифицировать огнестрельное оружие, патроны, патронные гильзы, пули и другое снаряжение; установить явления, связанные с выстрелом, в том числе его следами на различных преградах, в разрезе вопросов, возникающих в правовой практике; определить различные условия выстрела; изучить признаки огнестрельного оружия,

боеприпасов и следов их действия; проанализировать закономерности выстрела и действия оружия и на основании этого осуществить разработку научно-технических методов и средств обнаружения, фиксации и исследования огнестрельного оружия, боеприпасов к нему, стреляных пуль, дроби, картечи и пыжей, следов выстрела и явлений, сопровождающих выстрел, в целях расследования и предупреждения преступлений; установить фактические данные о техническом состоянии и качествах огнестрельного, пневматического, ствольного газового оружия, а также о боеприпасах (патронах) к нему; сделать вывод о наличии (отсутствии) тождества между идентифицируемым объектом (оружием) и идентифицирующими объектами (пулями, гильзами); сделать вывод о наличии общего источника происхождения компонентов снаряжения боеприпасов; установить данные об обстоятельствах выстрела (месте, расстоянии, давности и др.) на основе специальных знаний в области судебной баллистической экспертизы, судебной баллистики и военной техники (знаний о свойствах и закономерностях действия стрелкового оружия, о характере поражения их снарядами живых целей и разрушения материальных преград).

Изучение большого объема информации показало, что нельзя недооценивать значение влияний различных условий выстрела на вывод эксперта.

Так, решение большей части идентификационных и диагностических экспертных задач судебной баллистикой рассматривается в привязке к определенным видам условий, оказывающих влияние на проявление свойств и признаков оружия, патронов и следов их действия, учет их при выполнении алгоритмов и предписаний экспертных методик.

В качестве условий выстрела, влияющих на проявление свойств и признаков оружия, патронов и следов их действия, в судебной баллистике и судебной медицине рассматривают дистанцию выстрела, калибр оружия, мощность и вид патрона, длину ствола оружия, наличие дульных устройств, влияние метеоусловий (низких температур, дождя, сильного ветра и пр.), многослойность повреждаемой при выстреле преграды и др.

К категории условий выстрела при решении задач определения обстоятельств выстрела обращались в своих исследованиях И.А. Чулкова [1, с. 28–29], Т.В. Аверьянова [см., например: 2, с. 81–87]. Ими установлена зависимость проявления следов близкого выстрела от различных метеоусловий.

Практика экспертных исследований огнестрельных повреждений на многослойных преградах дает основание ставить вопрос об определе-